

«Я очень старый русский ученый (1888 г. рождения), который в зрелые годы жизни (с конца 1921 г.) был всецело погружен в изучение русской истории. В молодые годы (1905–1920) моя жизнь была столь же бурной и сложной, как жизнь всей России. Рассказ о событиях того времени вы найдёте в этих очерках.

Я учился в четырёх университетах: харьковском, киевском, гейдельбергском и лейпцигском. В столыпинское время я сидел в трёх тюрьмах (белгородской, курской и харьковской). В 1917–1920 гг. служил рядовым солдатом в четырёх воинских частях, сначала под командованием адвоката А.Ф. Керенского, потом под командованием белых генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля» – так аттестует себя Сергей Пушкарёв в предисловии к воспоминаниям.

Его отец Герман Пушкарёв был «дворянин, землевладелец, земский деятель, нотариус». Мать, Александра Ивановна, урождённая Шатилова. Жили Пушкарёвы в усадьбе в Прохоровке.

А родился историк в родовом имени матери в слободе Казацкой Старооскольского уезда. Он окончил Курскую классическую гимназию с золотой медалью, в 1907 году поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета. Потом перевёлся в Киевский университет Святого Владимира. События, о которых вспоминает Пушкарёв, разворачиваются параллельно его учёбе.

Воспоминания эти первоначально публиковались отдельными отрывками в Нью-Йорке в газете «Новое Русское слово» в 1980 году и в «Новом журнале» в 1980-м, 1982-м и 1983 годах, а также в журнале *The Russian Review* в январе 1967 года. В мемуарах Пушкарёв воссоздаёт атмосферу первых двух десятилетий XX века в России, описывает быт русских эмигрантов. Особенно интересны для нас, белгородцев, воспоминания о мирной и революционной жизни в тогдашней Курской губернии.

Сергей Пушкарёв

«ПОСАДИТЕ МЕНЯ, ПОЖАЛУЙСТА, В ТЮРЬМУ!»

«На рождественские каникулы 1909–1910 гг. Н.Н. Попов (двоюродный брат историка. – Прим. авт.), формально студент 2-го курса юридического факультета императорского Московского университета, а фактически – активный партийный работник московской организации РСДРП, ездил домой во Владикавказ. По пути туда и по пути обратно он заезжал в нашу Прохоровку повидаться со мной. При первой встрече он сказал, что им, москвичам, нужно отправить в Киев толстый пакет с нелегальной литературой – 200 номеров газеты «Правда», которую издавал в Вене Л. Троцкий.

Дело в том, что я согласился отвезти в Киев посылку с «Правдой» Троцкого, но при этом совершил, возможно, самое позорное в моей жизни деяние. Ввиду того, что сам я был не вполне политически благонадёжен, а брат Николай был благонадёжен абсолютно, я просил Н.Н. адресовать эту посылку на его имя. Причём я брата об этом даже не предупредил.

На почте посылка с нелегальной литературой была обнаружена, последовали допрос и обыск, в результате брата заключили в белгородскую тюрьму.

«Я ругал себя всеми бранными словами и решил немедленно разыскать ротмистра и сказать, что брат не имеет к этой посылке ни малейшего отношения, – продолжает Пушкарёв. – К счастью, в Прохоровке все учреждения расположены поблизости: железнодорожная станция, почтовое отделение, квартира станового пристава и – на краю посёлка – наша усадьба. Я прибежал, запыхавшись, на квартиру станового и увидел там идиллическую картину: пристав и мой брат сидели за столом, на котором шипел самовар, и пили чай с вишневым вареньем. Ротмистра не было, он ушёл на станцию (очевидно, приказав местной полиции доставить брата в белгородскую тюрьму)».

После переговоров, почти допроса и признания Пушкарёв убедил ротмистра простоять его. Так он пре-

косо университета св. Владимира в арестанта белгородской тюрьмы.

Сергей Пушкарёв рассказывает: по правилам политических заключённых содержать полагалось отдельно от уголовных. Но в белгородской тюрьме отдельных камер для политических не было. Он отмечает: под надзором ротмистра Юдичева было три уезда Курской губернии с населением свыше полумиллиона, а в белгородской тюрьме, кроме него, не оказалось и за полтора месяца не появилось ни одного другого политического заключённого.

Для будущего историка освободили камеру, рассчитанную на четырёх человек.

«Со сном была и другая беда. Под Белгородом протекает река Северский Донец, берега которой покрыты зарослями камыша. Обычные тюремные матрасы и подушки набивают соломой, но здесь использовали для этой цели камыш. Подушка из сломанных тростинок камыша мне немилосердно царапала лицо, так что я испытал райское блаженство, когда через неделю брат мне привёз домашнюю подушку», – вспоминал Пушкарёв.

Но тягостнее всего, пишет он, оказалось постоянное принудительное безделье. Лежать днем было нельзя, поэтому он должен был целый день или сидеть на стуле, или ходить по камере.

ПОСЛЕДНЕЕ РОЖДЕСТВО ДОМА

Конец 1917 года.

«Возвратился я в Прохоровку за несколько дней до Рождества. Мать и брат жили в доме, не терпя никаких притеснений от крестьян.

В нашей местности волостным комиссаром назначили высокого, здорового балтийского матроса бандитского вида и характера, с патронташем через плечо и с револьвером на поясе. На второй день после Рождества он объявился в Прохоровке и созвал сход. Собрание состоялось в местной школе. Комиссар передал сходу привет от советского рабоче-крестьян-

Сергей Пушкарёв (справа) с братом Николаем (слева) в усадьбе в Прохоровке на дне сестры Марии Пушкарёвой в мае 1913 г.

но перешёл к делу, ради которого он явился в Прохоровку: «Вот, товарищи, вышел декрет советского правительства, чтобы помещиков больше не было, а вот тут у вас в Прохоровке всё ещё живут эти Пушкари, так их надо отсюда вышвырнуть».

Моя мать была хронически больна, не могла ходить без посторонней помощи, и её передвигали в специальном кресле. Для нас изгнание из дома в зимнюю стужу означало бы мучительную смерть, и я решил просить у схода милости и справедливости.

Крестьянская толпа загудела: «Его он правду говорить! Земля ихняя отходить к народу, ето как полагается, а сами они как жили у своём доме, так нехай живут! Мы от них зла не видели, так нехай живут!»

Итак, народное собрание разрешило нам жить в нашем доме, а мне сверх того позволило носить пенсне.

Тревожно прошли наши рождественские праздники 1917 года, и это было последнее Рождество, которое я провёл в родительском доме. С приходом в деревню новой власти становилось очевидным, что жизнь бывших помещиков в их усадьбах будет чревата всякими тревогами и опасностями, и надо было искать более безопасное место жительства.

«БОГ ДАЛ МНЕ ОЧЕНЬ ХОРОШУЮ ПАМЯТЬ»

«Вы можете, конечно, спросить

сказать нам столь давно прошедшую историю? Причин этой смелости у меня три: во-первых, Бог дал мне очень хорошую память; во-вторых, я рассказываю только те события и наблюдения, которые особенно ярко запечатлелись в памяти; в-третьих, эти наблюдения были по горячим следам записаны в мои дневники, сгоревшие во время революции, но я не раз пересказывал их устно, и это помогло мне их запомнить», – объясняет Сергей Германович.

Он прожил долгую жизнь – почти 96 лет. Больше трети из них – в США, где преподавал русский язык в Йельском университете, читал лекции в Фордемском и Колумбийском университетах.

А до этого были 25 лет жизни, работы и научных трудов в Чехословакии, потом четыре года в лагерях для перемещённых лиц в Германии.

Пушкарёв, как и предчувствовал, не вернулся больше в родные места. Зато в начале 90-х на родине стали переиздавать его научные труды, в сталинской историографии считавшиеся «чуждыми советскому народу».

Ещё в Россию переехал его сын Борис. Чтобы поддержать память об отце, он встречался неоднократно с историками и краеведами Черноземья. Вот и воспоминания отца он сам передал в музей-заповедник «Прохоровское поле» с автографом: «Прохоровскому музею.